

УДК 327.8

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-2-59–67

А.Х. Хизриев

Предпосылки роста внешнеполитической активности США и её дальнейшего развития на Ближнем Востоке в конце XIX – начале XX в.

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; escalex@mail.ru

В статье предпринята попытка объяснить эволюцию и рост внешнеполитической активности США на мировой арене, а также предпосылки расширения экспансии на Ближнем и Среднем Востоке с начала XX в. Основное содержание статьи посвящено становлению США в качестве крупного мирового игрока и их трансформации из крепкой региональной державы в мощную трансконтинентальную колониальную державу. Среди основных этапов перечисляется принятие доктрины Монро, затем её преобразование в доктрину Олни, названных так по именам госсекретарей США той эпохи. В этих условиях их внешнеполитическим амбициям противостояли Великобритания и другие колониальные державы Старого Света. Несмотря на мощные экономические показатели (к концу XIX в. промышленное производство в США составляло половину от всего европейского), основным препятствием на пути превращения в одну из мировых держав планеты было отставание от европейских колониальных империй в военном отношении. Пытаясь наравне противостоять своим конкурентам, США ведут усиление и модернизацию своих сухопутных вооружённых сил, а также активными темпами строят мощный военно-морской флот, что позволило усилить дипломатическую активность как в Латинской Америке, так и на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке. Постепенно переходя от соперничества к тесному геополитическому сотрудничеству, США присоединяются к Великобритании в создании новой парадигмы мирового господства англо-саксонского мира, в которой английские торгово-промышленные и военные круги, понимая постепенную утрату своего влияния на планете, добровольно передают мировое лидерство своим заокеанским соседям, чтобы в будущем сохранить таким образом своё финансово-политическое влияние под идеей англо-саксонского доминирования в мировой политике.

Ключевые слова: *внешняя политика США, рост внешней экспансии, геополитическое соперничество, доктрина Монро, доктрина Олни, испано-американская война, венесуэльский кризис 1895 г., дипломатическая активность на европейском направлении, англо-бурская война, англо-саксонское сотрудничество.*

К концу XIX в. Соединённые Штаты Америки всё больше стали приобретать черты мощной военно-политической державы, способной наравне соперничать с ведущими колониальными империями Старого Света. От «политики изоляционизма» правящие круги США стали переходить к более активной внешней политике. Объяснением такой трансформации межгосударственных отношений со стороны молодой заокеанской державы могут служить такие факторы, как завершение территориальной экспансии на североамериканском материке, позволившее создать крупное государство между Атлантическим и Тихим океанами, и стремительный рост экономического могущества этой страны, что вывело её в число мировых лидеров по промышленности и торговле.

С учётом всех этих трансформаций американское правительство стало менять основные принципы своей внешней политики. Но осуществлению задуманных целей и планов мешал тот очевидный факт, что уже в последней трети XIX – к началу XX в. все «неосвоенные» земли и территории на континентах планеты были поделены между ведущими европейскими морскими и сухопутными державами, к числу которых относились Британская, Французская и Российская империи, впоследствии к ним присоединилась кайзеровская Германия. Остатками могущества и значительными территориями всё ещё обладала королевская Испания. Начиная уже заявлять о своих колониальных правах такая быстрорастущая азиатская держава, как Япония. В этих условиях набравший неимоверную финансовую силу американский капитал поставил себе целью захватить то, что ещё не было поделено между вышеуказанными мировыми игроками или осталось после территориального раздела мира, или отнять заморские территории у более слабых игроков. К таковым можно было отнести Испанию или Португалию, расцвет колониального могущества которых остался уже в прошлом.

Серьёзные амбиции молодого американского государства подтверждались его экономическими успехами. Следует отметить, что к началу XX в. в США насчитывалось порядка 445 трестов, среди которых стоит выделить такие могущественные монополии, как промышленные группы Рокфеллера и Моргана. Американская экономика стала выпускать значительно больше товаров, чем Великобритания, составляя в общей сложности половину продукции всех европейских стран [1]. Разумеется, рост производства сопровождался ростом экспорта в другие страны. Отметим, что в 60-х годах XIX в. вывоз товаров из США еще не превышал импорта, однако уже в 1876 г. стоимость экспортной американской продукции впервые превзошла сумму ввозимого товара.

Новые реальности геополитического веса США на международной арене, сложившиеся в силу роста экономического могущества государства, побуждали американские власти пересматривать свои традиционные подходы, модифицировать свою внешнюю политику в различных регионах мира, в том числе и на европейском континенте [2, с. 117]. В связи с этим вся политика активизации внешней экспансии американского капитала в конце XIX – начале XX в. была в первую очередь направлена на страны Латинской Америки и Тихоокеанского бассейна в соответствии с известной доктриной Монро, названной так в честь своего автора – пятого президента США Дж. Монро (1817–1825), и принятой в 1823 г. в его ежегодном послании Конгрессу. Данная доктрина заявляла о невмешательстве США во внутриевропейские дела, при этом провозглашая свои особые интересы в Западном полушарии [3; 4, с. 117]. Среди первых объектов экспансии американской финансовой олигархии в этот регион оказались Мексика, Куба, а также Гавайские острова.

Однако финансовое могущество не означало, что активная внешняя политика может быть успешно реализована на американском континенте. Нельзя забывать, что в это время всё ещё обширными колониальными владениями в Западном полушарии обладала Британская империя с её могущественным флотом. Свои колонии здесь до сих пор имели Испания и Франция. При этом геополитические амбиции США в Латинской Америке в конце XIX в. не подкреплялись их военным потенциалом. Во-первых, ни по армейскому контингенту, ни по флоту, что было особенно важно, США никак не могли соперничать с ведущими европейскими державами. Во-вторых, внутренний рынок Соединённых Штатов был ещё недостаточно насыщен, и некоторые промышленные круги, в основном представители мелкого и среднего предпринимательства, не были заинтересованы в активной внешнеэкономической экспансии.

Что касается активизации внешней политики Вашингтона в Восточном полушарии, то следует иметь в виду следующие факты. В то время как Великобритания, Франция, а позже Германия приступили к активным колониальным захватам и экономической экспансии на ещё не занятых территориях в Африке и Азии, США были вынуждены сдерживать свои внешнеполитические амбиции в этих регионах. В силу внутривнутриполитических противоречий, о которых было сказано выше, американское правительство и крупные финансово-олигархические группы ограничились реализацией своих экспансионистских планов в соседних регионах – в странах Латинской Америки и на территориях Тихоокеанского бассейна.

Следует также помнить, что на рубеже XIX–XX вв. в Европе весьма снисходительно относились к внешнеполитическим амбициям Вашингтона, не воспринимая их всерьёз. Это потребовало от американского руководства укрепления собственных экономических позиций, реализации значительной по тем временам военно-морской программы, чему также должно было содействовать обострение межимпериалистических противоречий в схватке за территориальный раздел мира, приведшее к блоковому размежеванию между ведущими европейскими державами. Только в этом случае могли сложиться благоприятные условия для роста геополитического могущества заокеанской державы.

Внешнеполитическая доктрина американского руководства придерживалась традиции прагматического использования в интересах США противоречий между ведущими мировыми державами в соответствии с концепцией баланса сил. Самоустранение от внутриевропейских конфликтов и континентальный изоляционизм, которых придерживались почти все прежние правительства США и о которых заявляли их лидеры, начиная с Джорджа Вашингтона, в действительности являлись ничем иным, как «просвещённым эгоизмом», а также воплощением стратегического принципа манёвра, отвечавшего долговременным интересам американских финансово-промышленных кругов [5].

В существующих условиях в Вашингтоне были вынуждены строить свою внешнюю политику таким образом, чтобы в целом её свести к достижению конкретных политических и стратегических целей в регионах, заявленных как зона жизненно важных интересов США, которой на тот момент рассматривались Латинская Америка и Тихоокеанский регион. При этом предполагалось пропагандировать тесное сближение всех стран Северной и Южной Америки в политической, экономической, социальной и культурной областях, несмотря на то, что между ними имелись существенные различия во всех отношениях. Возглавив набиравшую в то время силу идеологию панамериканизма, США намеревались подчинить её собственным интересам, направив на обеспечение условий, выгодных для США и неблагоприятных для их европейских конкурентов.

На первоначальном этапе госдепартамент мог вести разговор только о «равенстве в правах» с британцами в Центральной Америке, что было в 1850 г. зафиксировано договором Клейтона–Булвера [6, с. 134]. Но по мере укрепления экономических позиций в мире наиболее экспансионистски настроенные круги в стране намерены были всё более активно добиваться установления гегемонии США в Латинской Америке.

В Вашингтоне, конечно, понимали, что методы открытого давления и угроз военного вмешательства составляли опасность для самих США, ещё не располагавших достаточными силами для противодействия какой-либо из великих европейских держав того времени. В этой ситуации доктрина панамериканизма, провозглашённая некогда госсекретарём Монро и призывавшая к проведению «единого американского курса»,

стала удобной формой эффективного соперничества Соединённых Штатов со своими европейскими конкурентами в Западном полушарии [5, с. 135]. Однако, несмотря на то, что эта страна наряду с Германией по темпам экономического роста и объёму промышленного производства уже стремительно опережали Англию, тесня её на мировых рынках, а иногда и проникая в её внутренние и заморские рынки, объём британской торговли и капиталовложений в Южной Америке в 80–90-х годах XIX в. всё же значительно превышал объём американских инвестиций и товарооборота в этот регион. Поэтому немаловажно, что вытеснение Великобритании из этого региона началось не в экономической, а в политической сфере созывом первой Межамериканской конференции в Вашингтоне в 1889 г., и это выглядело вполне естественным в условиях, когда теряющая своё влияние ведущая мировая держава не собиралась добровольно сдавать свои позиции.

Однако первая попытка активизации американской внешней политики оказалась не совсем удачной. Проект создания Межамериканского таможенного союза, который предполагал преобладание в нём Соединённых Штатов, не нашёл понимания среди участников вышеупомянутой конференции ввиду настороженной позиции ряда делегаций, а также активного вмешательства в закулисную борьбу британской дипломатии, успешно воздействовавших на позиции представителей Аргентины и Чили. Таким образом, затраты на размещение участников конференции и бесплатное полуторамесячное турне делегатов по стране, чтобы расположить участников к янки, оказались напрасными. Слишком уж навязчивой казалась политика американского правительства для стран Центральной и Южной Америки, для которых такая стратегия напоминала политику Бисмарка, проводимую «железом и кровью» в Европе [5, с. 136]. Кроме того, ослабление в таких условиях связей с европейскими игроками грозило и доминированием США в Новом Свете, что и произошло спустя некоторое время.

Следует отметить, что период конца XIX – начала XX в. насыщен важными политическими событиями, оказавшими значительное воздействие на последующее развитие международных отношений. В это время происходят глубокие изменения и в «европейском концерте», связанные с бурным ростом экономического и военного могущества Германии. Внушительные успехи последней и откровенные усилия по милитаризации экономики и подготовке к войне за новый передел мира вызвали беспокойство и у её потенциальных соперников – Великобритании и Франции. В этих условиях британский Форин-офис постепенно отказывается от политики «блестящей изоляции», осторожно нащупывая пути к сближению с историческими соперниками Германии – Францией и Россией, уже находившимися в тесном союзе, и Соединёнными Штатами Америки. Такая политика дала новый стимул к размежеванию европейских держав по блоковому принципу, что в конечном итоге привело к формированию двух военно-политических блоков – Антанты и Тройственного союза.

Такая политическая обстановка в Старом Свете однозначно подразумевала слишком сложные отношения с США, находившимися в стороне от европейских дел. В частности, это выражалось в тех особых позициях, которые заняли британцы и немцы во время разразившейся испано-американской войны 1898 г. [7, с. 61]. Заметим, что демарши германского правительства сочетали в себе как откровенное потакание агрессивным действиям заокеанской державы, так и враждебные Соединённым Штатам военные демонстрации. Собственно говоря, такая политика была характерна для Берлина в период становления Германии в качестве мировой колониальной державы, что подтверждается её движениями как в Европе, так и на Ближнем Востоке.

В связи с нараставшим испано-американским противостоянием в регионе британские политики возлагали свои надежды на то, что трудности войны толкнут США на сближение с Британской империей. Это подтверждает донесение временного поверенного в делах России в Вашингтоне, согласно которому де Воллан сообщал в Петербург, что Форин-офис всячески подталкивает Белый Дом «к войне против Испании в ожидании случая, когда Америка будет действительно нуждаться в «добрых услугах» для того, чтобы добиться союза с США» [8, с. 114–115]. При этом использовались все имеющиеся средства, способные спровоцировать испано-американский конфликт, – вплоть до подкупа американских газет.

Стоит отметить, что в условиях подготовки к войне американскому правительству было не безразлично, какую позицию займут европейские державы, всё ещё диктовавшие моду в мировой политике, в случае начала военных действий против испанской короны в Карибском бассейне. Исходя из этого, Вашингтон помимо дипломатических средств стал активно применять и методы военно-силового давления на своих соседей в регионе. В 1880–1890-е годы США неоднократно прибегали к прямому использованию воинских контингентов [9, с. 134]. Ярким проявлением такой агрессивной внешней политики стали вторжения американских войск на территорию таких стран, как Колумбия, Аргентина, Чили, Бразилия, Никарагуа, Мексика, и других государств Южной Америки.

Смена внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов на Американском континенте с этого времени требовала некоторого пересмотра доктрины Монро, что диктовалось необходимостью идеологического обоснования откровенного проникновения монополий США в Латинскую Америку. Обновлённая доктрина, провозглашённая государственным секретарём Ричардом Олни (1895–1897 гг.), была изложена в ноте, адресованной 20 июля 1895 г. британскому правительству в связи с венесуэльским конфликтом 1895–1896 гг. [6, с. 137]. Используя лозунги защиты интересов малых южноамериканских государств от посягательств со стороны европейских держав, и в первую очередь британской короны, Р. Олни фактически провозгласил намерение вытеснить их из Нового Света, создав таким образом на Американском континенте зону жизненно важных интересов США. При этом европейское присутствие там провозглашалось неуместным. Тем самым новый госсекретарь по-новому стал интерпретировать доктрину Монро, объявив политику силы главным методом внешнеполитической стратегии США в отношении не только своих соседей по континенту, но и европейских держав [6, с. 138].

В числе основных причин осуществления американской гегемонии особо отмечалось то обстоятельство, что «неограниченные ресурсы США наряду с изолированным положением делают их хозяином обстановки и практически неуязвимыми перед лицом любого государства или всех их вместе взятых» [10, с. 558]. Такое достаточно дерзкое поведение новоявленной заокеанской державы оказалось несколько неожиданным для старых колониальных империй того времени и, разумеется, вызвало резкое неприятие подобной активности американцев с их стороны. Ответная нота британского премьер-министра Р. Солсбери о недопустимости такого странного толкования международных отношений и невозможности его принятия другими державами однозначно стала вести к обострению американо-английских противоречий. При этом маркиз Солсбери утверждал о юридической несостоятельности доктрины Монро, из которой исходили в Вашингтоне. Президент Кливленд (1885–1889, 1893–1897) был решительно настроен на отстаивание американских интересов в венесуэльском кризисе 1895 г. В конечном итоге британское правительство, уступив интересам собственных финансо-

вых кругов, а также имея нерешенные проблемы в противостоянии с Францией и Германией в Африке и Российской империей в Азии, согласилось на арбитражный суд, который в 1899 г. определил приемлемую для обеих сторон венесуэльско-гвианскую границу, передав устье и дельту реки Ориноко Венесуэле [6, с. 139].

Добившись удовлетворительных итогов арбитражного решения, США не были намерены останавливаться на достигнутом успехе, будучи уверенными в пассивном сопротивлении британцев активизации американской внешней политики в районах Тихого океана и Юго-Восточной Азии. Доказательством верности такой стратегии стала разразившаяся в 1898 г. испано-американская война. Англия действительно с этих пор не препятствовала становлению США в качестве региональной североамериканской державы. Британцев больше беспокоила усилившаяся конкуренция в Старом Свете с Германской империей.

В свою очередь, Вашингтон одним из приоритетов своей внешней политики также стал видеть укрепление союзнических отношений с Британской империей. Политическое руководство США дало указание своей дипломатической службе оказывать всяческую поддержку Лондону в его внешнеполитических акциях. В частности, ещё до начала англо-бурской войны 1899–1902 гг. американское правительство любезно предложило британцам представлять их интересы в Претории, дав указание своему консулу взять на себя данную миссию «как это обычно принято, в духе дружественности и нейтралитета» [10, с. 350–351]. Проанглийская позиция Госдепартамента США выразилась также и в том, что было отвергнуто предложение российского министра иностранных дел Муравьёва о коллективной акции европейских держав и США, направленной против британского вторжения в Южную Африку [11, с. 162]. Такая позиция США в отношении Великобритании способствовала вытеснению Германии из этого региона; германское правительство же не предприняло практических шагов для оказания нажима на Лондон в ходе англо-бурской войны, фактически бросив на произвол судьбы сопротивлявшиеся бурские республики, хотя на стороне последних были симпатии большей части мировой общественности.

Зато правительство США охотно откликнулось на британские предложения касательно реализации идей англо-саксонского единства. Стремясь завуалировать собственное активное наступление на позиции своего английского конкурента, американские правящие круги всячески расточали любезности в отношении британской короны, скрывая за ними проскальзывавшие явно глобалистские устремления. Как бы подтверждая данный тезис, едва вступивший в должность новый президент США Теодор Рузвельт выразил убежденность «в единстве американских и британских интересов и в том, что, действуя совместно, американцы и англичане могли бы господствовать над миром» [12, с. 81]. Несмотря на внешнюю декларативность таких заявлений, их подоплёкой были далеко идущие цели Вашингтона о будущем американском доминировании на планете, правда на первое время под крылом всё ещё могущественной на тот момент Британской империи.

В свою очередь, создав новую геополитическую конфигурацию, британские правящие круги в союзе с Соединёнными Штатами видели для себя единственный путь к сохранению своего постепенно угасающего преобладающего влияния в мире. Даже отношение американского конгресса к решению арбитражного суда по вышеупомянутому пограничному конфликту между Венесуэлой и Британской Гвианой не могло изменить «проамериканских» настроений Форин-офиса, учитывавшего интересы либеральных кругов Британской империи. Влиятельные лондонские газеты «Дейли Ньюз», «Дейли Кроникл» и др., а также различные общественные движения требовали созда-

ния нового союза для образования новой конфигурации в мировой политике [7, с. 63], что способствовало бы сохранению англо-саксонского доминирования, пусть даже в будущем оно могло оказаться под крылом молодой заокеанской державы ввиду постепенного сокращения могущества британской короны. Подлинные интересы последней требовали от лондонского правительства «проамериканской» ориентации, что вызвало также одобрительные отклики в английской прессе [13, с. 40–41].

Таким образом, новая конфигурация международных отношений снимала все препятствия на пути становления США в качестве полноценной колониальной державы. Намечавшаяся война с Испанией должна была стать первым шагом к этому. Несмотря на то, что большая часть мира оказалась уже поделённой между крупными европейскими державами, испанская корона оказалась единственной в числе таковых, будучи неспособной оказать серьёзное сопротивление новоиспечённой экспансионистской державе. Вспыхнувшая на Кубе, принадлежавшей Испании, революция во главе с Хосе Марти, а также англо-венесуэльский конфликт 1895–1896 гг. стали мощным катализатором и удобным поводом для янки, чтобы заявить о своих претензиях на доминирование в латиноамериканском регионе в соответствии с доктриной Олни. Способствовало этим амбициям и то, что Испания в то время переживала глубокий системный кризис, а также была слаба в военном и экономическом отношениях. Перед Соединёнными Штатами возникла возможность без особого риска осуществить пробу своих военных сил на глобальном уровне и провести аннексию испанского владения.

Испано-американская война превратила США из изолированной заокеанской державы, не имеющей никаких военно-политических интересов за пределами страны, кроме сугубо экономических, – в агрессивного зубастого геополитического игрока на мировой арене. Несмотря на то, что эта страна ещё не имела достаточных сил на осуществление своего мирового доминирования (она смогла добиться этого лишь спустя более полувека), Соединённые Штаты стали мощным региональным игроком, с которым великим колониальным державам того времени теперь приходилось считаться.

Следует отметить, что прорыв на арену мировой экспансионистской политики и включение в клуб колониальных держав после краткосрочной и победоносной войны с Испанией требовал от американских правящих кругов пересмотра всей внешнеполитической доктрины и целого ряда освящённых временем и традицией постулатов международной политики, выработки принципов, которые более полно отвечали бы новым условиям мирового развития.

В создавшейся обстановке американские правящие круги тем более были настроены на превращение страны в мощную морскую державу, размер и сила флота которой должны были соответствовать геополитическим устремлениям. В 1880-е годы быстро выросли расходы на строительство флота, особенно при президенте Кливленде [6, с. 149]. Американское правительство осознавало, что без наличия соразмерного с Великобританией или хотя с Францией военно-морского флота осуществление новых геополитических задач не представлялось возможным. В связи с этим только в 1893 г. в США на сооружение боевых кораблей было истрачено около 30 млн долларов, что в конечном итоге привело к соответствующим результатам – военно-морской флот Соединённых Штатов занимал уже не двенадцатое место в мире, как в начале своей модернизации, а пятое.

В.В. Согрин в своей работе отмечал, что поскольку в XIX в. территориальная и экономическая экспансия Соединённых Штатов ограничивалась американским континентом, то многие историки в США именовали свою страну той эпохи континенталь-

ной державой, которая с конца века претерпевает качественные изменения, отмеченные выше [14, с. 21].

Таким образом, американское руководство могло теперь ставить перед собой более амбициозные задачи и постепенно идти к превращению своей страны из региональной державы в одну из ведущих колониальных империй, интересы которой охватывали бы не только Латинскую Америку и Тихоокеанский регион, но и другие континенты. В этом ряду непременно должен был оказаться и регион Ближнего и Среднего Востока, где, однако, уже плотно засели военно-политические и финансовые круги не только Великобритании и Франции, но и активно вмешивавшихся туда России и Германии. При этом следует отметить, что успеху ближневосточной политики США в будущем способствовал тот фактор, что среди стран Ближнего и Среднего Востока в первой половине XX в. США имели репутацию страны, жёстко критикующей колониационную политику европейских стран [15, с. 173].

Бурное развитие промышленности и сельского хозяйства, стимулировавшее и рост всевозможных экспансионистских устремлений американских финансовых кругов, открытых агрессивных тенденций в политике господствующих элит Соединённых Штатов, по всем военным и дипломатическим законам той эпохи обязательно должны были обратить их взор на подчинение своему влиянию и далёких от Американского континента стран Азии и Африки. Торгово-промышленные круги США искали также рынки сбыта за океаном, главным образом на Востоке.

Вскоре это приведёт к расширению американской внешней экспансии за пределы Старого Света и складыванию отношений, которые сложились у Соединённых Штатов Америки с отдельными странами и народами Азии и Африки в конце XIX – первой половине XX века. Фактически это означало постепенный отказ американских властей от так называемой «Доктрины Монро».

Литература

1. Зубок Л.И. Очерки истории США (1877–1918). – М., 1956. – С. 167.
2. Закаурцева Т.А. Европейская политика США и реорганизация американского дипломатического ведомства // Европейская политика США в конце XIX – начале XX в.: межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1985. – 469 с.
3. Доктрина Монро // Международное право. – Режим доступа: <http://interlaws.ru/doktrina-monro/> – 09.06.2018.
4. История США: в 4 т. Т. 1. – М., 1983. – 688 с.
5. Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. – М., 1976. – 361 с.
6. История США: в 4 т. Т. 2. – М., 1985. – 672 с.
7. Иванов А.И. Рождение американского империализма и политика европейских держав (1898–1904 гг.) // Европейская политика США в конце XIX – начале XX в.: межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1989. – 168 с.
8. Владимиров Л.С. Дипломатия США в период испано-американской войны 1898 г. – М., 1957. – 255 с.
9. La Feber W. The New Empire. An Interpretation of American Expansion, 1860–1898. – Ithaca, 1963. – 444 p.
10. Foreign Relations of the United States, 1895. – Washington, 1895. – Pt. 1. – 808 p.
11. Никитина И.А. Захват бурских республик Англией. – М., 1970.
12. Beale H.K. Theodore Roosevelt and the Rise of America to the World Power. – N.Y., 1962. – 600 p.

13. Галеви Э. История Англии в эпоху империализма. – М., 1937. – Т. 1. – 408 с.
14. Согрин В.В. США в XX–XXI вв. – М., 2015. – 592 с.
15. Ближний Восток: война и политика. – М.: ИД «Марджани», 2010. – 216 с.

Поступила в редакцию 24 марта 2021 г.

UDC 327.8

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-2-59–67

Conditions for the Growth of US Foreign Policy Activity and its Further Development in the Middle East in the late XIX – Early XX Centuries

A.Kh. Khizriev

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; escalex@mail.ru

The article is an attempt to explain the evolution and growth of the foreign political activity of the United States in the world arena, as well as the preconditions for the expansion in the Near and Middle East since the beginning of the 20th century. The main content of the article is dedicated to the formation of the United States as a major transcontinental colonial power. Among main stages it includes the adoption of the Monroe Doctrine, then its transformation into the Olney Doctrine, named after the US Secretaries of State of that era. In these conditions, Great Britain and other colonial powers of the Old World stood in the way of the U.S. foreign policy ambitions. Despite the powerful economic conditions, when by the end of the 19th century the industrial production in the United States was half of all European one, the main obstacle to its becoming one of the world powers was falling behind the European colonial empires in military terms. The United States is strengthening and modernizing its land naval forces, as well as actively building a powerful navy, which ensures the strengthening of diplomatic activity in Latin America, the Middle East and the United States and in Africa. Gradually, moving from rivalry to close geopolitical cooperation, the United States joins Great Britain in creating a new paradigm of world domination of the Anglo-Saxon world, in which the British commercial, industrial and military circles, realizing the gradual loss of their influence on the planet, voluntarily transfer own leadership to their overseas neighbors in order to preserve their financial and political influence in the future under Anglo-Saxon domination in world politics.

Keywords: *U.S. foreign policy, growth of external expansion, geopolitical rivalry, Monroe Doctrine, Olney Doctrine, Spanish-American War, Venezuelan crisis of 1895, diplomatic activity in the European direction, Anglo-Boer war, Anglo-Saxon cooperation.*

Received 24 March 2021